

Приходит Неелова и жалуется, что больше в "Трех сестрах" играть не может. Ей мешает Гафт, который во время ее монолога, стоя на коленях, недовольтно бормочет, что юбка пыльная. Нужно уговаривать. "Понимаете, артисты как дети", — вздыхает Волчек...
Приходит Гафт и жалуется, что у него Хиггинс не идет, что он не знает даже, что с этой ролью делать... Придется разбираться. "Понимаете, артисты — это такой ранимый организм"...
Приходят осветители. Кто-то в спектакле "Мурлин Мурло" свет шаркнул в сцене, которая строится на темноте. Опять Волчек в ответе. "Ну что тут сделаешь, в театре, понимаете, всегда какие-то неожиданности"...
И так двадцать лет. Двадцать лет страхов, слез, недоразумений, уговоров, утешений... Уходить собирались попеременно все. Все жаловались. Одной Волчек уйти было нельзя и пожаловаться особенно некому. Потому что если все актеры "Современника" в нем "кирпичики", то она — фундамент. Фундамент, благодаря которому в театре по-прежнему полон зал.

Галина ВОЛЧЕК:

Веч. кино - 1995 - 10 авг. - 97

«Я каждый день читаю, в чем вина советской власти, а мне хочется понять совсем другое»

бороняться, закалили, и поэтому Олегу я благодарна даже за тот отрицательный опыт, который он внес в мою жизнь. Я вообще по природе очень благодарный человек. Это не значит, что я за была свои слезы — они во мне, в моих седых волосах, быть может, в том ощущении внутреннего одиночества, с которым я живу...

— Что же вы ставили?

— Это был необычный спектакль — его делали актеры, с которыми в театре собирались расстаться. У нас тогда был период "первобытного коммунизма": художсовет обсуждал в конце месяца каждого актера и высказывал ему свои претензии. Причем сомнения могли вызвать не только творческие мотивы, но и идейные, гражданские, этические... В ходе одного такого обсуждения была предупреждена целая группа артистов (среди них, кстати, были ныне известные Любшин и Заманский). Чтобы доказать свою жизнеспособность, они решили подготовить свой вариант "Пяти вечеров", которые у нас тогда шли в постановке Ефремова. И получился из этого уникальный случай в театральной практике — художсовет счел вторую постановку настолько интересной, что спектакли было решено играть по очереди: день ефремовские "Вечера", день — наши. Это, конечно, был невероятно щедрый жест со стороны Ефремова и невероятно мудрый управленческий и режиссерский ход. Вообще я редко произношу высокие слова, но Олега Николаевича можно назвать гением в плане организации театрального дела.

— Кто сегодня ваш зритель? Когда-то "Современник" называли театром московской интеллигенции...

— История "Современника" во многом уже переврана, теперь наше прошлое принято идеализировать — вот, мол, каким театр был, и что с ним теперь стало. А нас ведь и в начале оценивали очень по-разному: называли "шепталными реалистами",

говорили, что мы не привнесли ничего нового в театральное искусство... Не знаю, можно ли нас сегодня назвать театром интеллигенции, но мы безусловно не театр ПТУ. Вот уже третий год подряд работаем летом, а зал полон. Приходят какие-то фантастические, необыкновенные зрители — не те, которым "достают" билет, а те, кто специально хочет сюда прийти.

— Как вы считаете, были ли в вашей режиссерской практике откровенные провалы?

— Я по складу своему человек очень трезвый и способна себя сверхтрезво оценивать. Ну был на моем веку такой спектакль, как "Поиск 891"...

— Ну а достижениями любите похвастаться?

— Знаете, я как кулинар — понимаю, что определенные блюда умею готовить, а что-то не выходит. Пусть решает тот, кто пробует. От меня бесполозно ждать ответа на вопрос о моих лучших ролях и спектаклях.

— Тогда, коли речь зашла о кулинарии, расскажите, какая вы хозяйка.

— А у меня нет времени быть хозяйкой. И потом я даже тут проявляю свой максимализм. По мне лучше есть кусок хлеба с помидором, чем невкусно приготовленную пищу. Если делать, так делать хорошо, душу вкладывать. У меня в крови потребность все доводить до совершенства — я по десять раз прошу свою портниху переделать платье: то мне кажется, что шов кривой, то скла-

дочка не на месте... Сама удивляюсь, как она до сих пор меня терпит! И точно так же я придираться к осветителям, если вижу, что дали не тот свет, который мне хочется в этой сцене. Может быть, максимализм мой знаком Зодиака обусловлен?

— А какой ваш знак?

— Стрелец.

— Как всякая женщина, вы слушаете астрологию и страшно суеверны...

— В астрологию верю, но у меня и другого рода слабости есть. Курение, например.

— Из чего складывается ваше представление о красоте?

— Я вообще жизнь люблю глазами и очень реагирую на неакрасивость и безвкусицу. Вот мне недавно глорали "Феизора" (я впервые за долгое время вышла на сцену), спектакль был на редкость удачным, надарили кучу цветов. Я пришла домой и все расставила по разным вазам — в одну красные, в другую белые цветы, а потом женщина, которая помогает мне по хозяйству, увидела, что некоторые цветки уже завяли, выбросила их и собрала все в один букет. Я вернулась страшно усталая, села в кресло и вдруг вижу — о, ужас! — что палевые розы стоят в одной вазе с бордовыми! Понимаете? Сил встать нет, а сидеть спокойно не могу, настолько меня это раздражает! Во мне какая-то дурацкая потребность в гармоничности, я даже одежду в шкафу по цветам развешиваю, чтоб

было приятно смотреть, когда дверцу откроешь.

— Как я поняла, ваш гардероб составляет собственная портниха...

— Да, уже много лет. Меня вообще страшно раздражает преклонение перед этикеткой: "у вас Версаче или не Версаче"... Это во мне рождает резкий внутренний протест, как вообще любое проявление стереотипного мышления.

— Вы по природе "богемная" личность? Или склонны к четкому, организованному укладу жизни?

— Во всяком случае я не тот персонаж, у которого "томик любимых стихов на ночном столике". У меня всегда навалена куча книг, пьес, журналов — то за одно возьмусь, то за другое...

— Вы сами просматриваете пьесы, которые предлагают в театр драматурги?

— Пьесы читаю сама. Это ведь я должна принять решение о постановке.

— Каких режиссеров вы мечтали бы пригласить в свой театр?

— А я свои мечты имею обыкновение реализовывать. Вот хотелось мне, чтобы Товстологов у нас ставил — и он ставил. Хотела пригласить Вайду — и он в "Современнике" работал. Мечтала, чтобы Фокин вырос в режиссера — и вот теперь он уже очень яркий и самобытный мастер на нашей театральной сцене. А ведь было нелегко заставить актеров поверить в начинающего режиссера — ох, как нелегко! И Викток с нами работает, хотя это сейчас не совсем тот Викток, которого я пригласила после "Уроков

Музыки"... Давно пытаюсь пригласить Фоменко, но у него, к сожалению, все времени не находится...

— Вы жесткий руководитель?

— Для меня важна любая мелочь — от того, что сыграла актриса, до того, куда она поедет летом отдыхать. Я помню, кто болен, кому нужно оказать помощь — я забочусь о том, чтобы, когда рожает молодые актрисы, им помогли купить коляску... Я пытаюсь сохранить костяк постановочной части, который у нас сложился, ведь сегодня любой из наших рабочих может перейти через дорогу, устроиться в кооператив и получать там в десять раз больше денег.

— Выходит, вы в своем театре играете роль мамы?

— Мамы? Да, наверное... Той, которая может быть очень строга, но которая ко всем людям, составляющим кирпичики этого театра, относится как к своим детям.

— "Кирпичики театра" — это, в вашем понимании, звезды?

— Нет. Кирпичиком может быть для меня артист, который исполняет всегда только маленькую роль — в силу своих, Богом данных, возможностей. Но если он делает это с отдачей, с преданностью делу, я его ни на кого не променяю.

— Но у вас, безусловно, есть свои режиссерские любимчики. Совпадают ли театральные пристрастия с человеческими?

— Моим любимцем никогда не будет человек, который даже самые замечательные человеческие качества проявляет отдаленно от того, что происходит здесь. Любые мои пристрастия определяются тем, что приносит человек в театр.

— С кем из актеров легче всего работаете?

— Со всеми трудно. Все актеры вызывают раздражение, когда они не дают тебе возможности влюбиться в то, что они делают на сцене, понимаете? И тут, как в семье, бывают моменты, когда ты самого близкого человека готов убить, кинуть в него тяжелым предметом...

— А как проявляется ваше недовольство?

— Могу ругнуться, если нужно. Нецензурно. Но уверяю вас, это не обязательный атрибут профессии режиссера.

— Вы продолжаете работать как актриса и в театре, и в кино. Насколько вы сами податливы для режиссера?

— Знаете, я как-то снималась в фильме, и режиссер с первого же дня съемки стал странно на меня поглядывать. Я, заметив это, насторожилась: не могу понять, то ли выгляжу не так, то ли делаю что-то неправильно. Наконец не выдержала — спросила. А он объяснил: "Галина Борисовна, я когда вас ждал, очень боялся, я когда выйдете на площадку и начнутся обычные "звездные капризы": тут меня не ставьте, так я не привыкла... А вы себя ведете просто как первоклассница!" Это правда. Я считаю, что из зала всегда виднее. И когда я на сцене играю, то режиссера слушаю беспрекословно.

— Реакция зала и есть для вас главный критерий успеха?

— Прежде всего. Потому что я не доверяю нашей критике: для нее я уже давно стала персоной нон-грата. Критики меня шельмуют априори, особыми изощренными способами: публикуют рецензии, где хвалят замечательную игру артистов и где в подтексте читается, как им мешает режиссер. Создается впечатление, что они не понимают саму природу театра: ведь если артисты играют плохо, это вина режиссера, но если они играют хорошо, — это его заслуга!.. Вот тут на днях показывали по телевизору "На дне", и я как раз думала — кто-нибудь понимает, какая режиссерская работа стоит за удачной ролью; к примеру, Евстигнеева? Знает, как я на репетициях бесконечно его поправляла, корректировала! Да еще постоянно думаю о том, чтобы как-нибудь нечаянным словом не обидеть артиста, ведь такие ранимые существа! Как учила правильно произносить слово "трансцендентальный"... На слух велева запоминать, даже не рассчитывала, что он смысл слова понимает... Постановили "Пигмалион", три недели меня не было — ездила в Израиль. Возвращаюсь, они там такого понаделали, просто волосы дыбом встали на голове! Пришлось устраивать раздолбон...

— Кто же главный судья вашей работы?

— Наверное, сын — Денис Евстигнеев. Он мой самый строгий критик: порою непримиримый,

мой, но всегда беспристрастный: его оценка побеждает даже сыновни чувства. К нему я прислушиваюсь во всем.

— Интересно, как Денис оценил вашу последнюю постановку — "Пигмалион"?

— Ему понравилось. А критиком, по-моему, не нужно было ходить на спектакль, чтобы его разгромить. Они все решили по дороге в театр.

— Вас сильно ранит обструкция профессионалов?

— Знаете, есть такая французская поговорка: "Все может быть, ибо все уже бывало"... Мне их неприятно безразлично. Для меня главное, что мой театр жив.

— У вас не было порыва уйти?

— Я спокойно переношу нападки извне, но любой конфликт внутри театра для меня невыносим. Потому что обидеться я могу только на близкого человека, своего. В моей жизни был момент, когда я написала заявление об уходе. Единственный раз за сорок лет в театре... Я вообще все заявления пишу раз и навсегда. Я и с мужьями так разводилась, сразу — терпеть не могу влотекущих заболеланий. Но уйти мне тогда просто не дали: художсовет в полном составе приехал ко мне домой, просили остаться...

— Мгновенья наивысшего счастья связаны для вас, наверное, с премьерами?

— Ой, что вы, для меня премьеры — самый мучительный день! Я в принципе так настроена, что не умею фиксировать состояние счастья — оно одному Богу ведомо. Осознано я "захватила" его два раза в жизни: первый — когда родила сына, второй — когда в Америке в 1978 году удачно прошла премьера "Эшелона"... Я очень волновалась, боялась сто-долларовой публики — мне казалось, что ее ничем не пронять... И когда после спектакля весь зал встал, я ощутила себя очень, очень счастливой! Ведь это был период "холодной войны", и я стала первым советским режиссером, которого пригласили в Штаты на постановку.

— Если можно, скажите, как повлияла профессия режиссера на вашу личную жизнь?

— Моя жизнь — это театр. Другой у меня нет и быть не могло. Потому что ее, как мясорубка, перемолол бы театр... Конечно, тут все еще осложнялось моим характером — тем, что я не умею идти на компромиссы, не признаю ничего наполовину... Я даже воду могу пить только или очень горячую, или ледяную — тепленького не выношу.

— И на вашем пути не встретился мужчина, ради которого вы могли бы бросить сцену?

— Это было невозможно. Я вот все когда-то — может, найдется кто-то, ради кого я сумею бросить курить? Но, как видите, не выходит.

— Последний вопрос — о чем вам сейчас хочется говорить со зрителем? Большинство театров обратилось к классике, устав от изображения ужасов нашей сегодняшней жизни...

— А я собираюсь ставить новую пьесу Николая Коляды — драматурга, которого я открыла, поставив "Мурлин Мурло". Он много лет присылал мне первой свои пьесы, но мне ничего не нравилось... И вдруг то, о чем я мечтала, руки чешутся поскорее начать работу. Вот сделаю — и вы поймете, о чем хочется говорить... О том, где мы оступились, что Бог так на нас обиделся. Я вот каждый день в газетах читаю, в чем вина советской власти, а мне хочется понять, в чем наша с вами вина...

Гостью программы Мария ВАРДЕНГА. Фото Виктора СМОЛЬЯНИНОВА.

— Галина Борисовна, хотя вы четверть века руководите "Современником", известно, что главным режиссером вы стали поневоле — после того, как из театра ушел Олег Ефремов.

— Знаете, у каждого человека есть в жизни какие-то поворотные моменты судьбы, которые в память навсегда врезаются. Так вот, я помню тот день, когда меня с актерской ставки переводили на режиссерскую. Как я в отдел кадров ходила, бумаги подписывала... Будто с чем-то прощалась, какую-то ниточку навсегда разрубала — будто увидела все свою невеселую режиссерскую судьбу... И очень тяжело перенесла ту ситуацию, когда меня труппа обязала стать главным режиссером: предугадала наперед весь свой "кругой маршрут".

— Значит, правда, что функции вожака были возложены на вас против воли, по драматическому стечению обстоятельств?

— Я вообще не верю в случай — у каждого человека есть какое-то предназначение, которое Бог ему уготовил. Меня всегда спрашивали, зачем я подалась в режиссуру — играла бы себе и играла... Я любила свою профессию и не собиралась ее менять. Ефремов всех нас уговаривал попробовать себя в качестве режиссера: он постоянно искал человека, который мог бы принять от него эстафету, и очень твердо стоял на том, чтобы этот человек был найден среди нас, чтобы в неокрепший коллектив не входили чужаки. Пробовали все: и Кваша, и Табаков, и Лиля Толмачева... Одна я держалась. Я вообще никогда никому не лезла, и даже Ефремову не удавалось меня уломать. Если бы не сын, так бы и сидела...

— Сын? Но ведь его тогда еще на свете не было!

— Просто так получилось, что моя режиссерская карьера, можно сказать, началась из-за моей беременности. Я не могла уже играть, и актеры, готовившие спектакль, попросили меня посидеть на репетициях. Вот это си-

— Просто так получилось, что моя режиссерская карьера, можно сказать, началась из-за моей беременности. Я не могла уже играть, и актеры, готовившие спектакль, попросили меня посидеть на репетициях. Вот это си-

— Просто так получилось, что моя режиссерская карьера, можно сказать, началась из-за моей беременности. Я не могла уже играть, и актеры, готовившие спектакль, попросили меня посидеть на репетициях. Вот это си-

— Просто так получилось, что моя режиссерская карьера, можно сказать, началась из-за моей беременности. Я не могла уже играть, и актеры, готовившие спектакль, попросили меня посидеть на репетициях. Вот это си-

— Просто так получилось, что моя режиссерская карьера, можно сказать, началась из-за моей беременности. Я не могла уже играть, и актеры, готовившие спектакль, попросили меня посидеть на репетициях. Вот это си-

— Просто так получилось, что моя режиссерская карьера, можно сказать, началась из-за моей беременности. Я не могла уже играть, и актеры, готовившие спектакль, попросили меня посидеть на репетициях. Вот это си-

— Просто так получилось, что моя режиссерская карьера, можно сказать, началась из-за моей беременности. Я не могла уже играть, и актеры, готовившие спектакль, попросили меня посидеть на репетициях. Вот это си-

— Просто так получилось, что моя режиссерская карьера, можно сказать, началась из-за моей беременности. Я не могла уже играть, и актеры, готовившие спектакль, попросили меня посидеть на репетициях. Вот это си-

— Просто так получилось, что моя режиссерская карьера, можно сказать, началась из-за моей беременности. Я не могла уже играть, и актеры, готовившие спектакль, попросили меня посидеть на репетициях. Вот это си-